

**Н.П. Игнатъев, А. А. Башмаков, К.А.
Губастов**

**Сан-Стефано. Записки графа
Н. П. Игнатъева**

**С примечаниями А. А.
Башмакова и К.А. Губастова.
Том 1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.П. Игнатъев**
Сан-Стефано. Записки графа Н. П. Игнатъева: С примечаниями А. А. Башмакова и К.А. Губастова. Том 1 / Н.П. Игнатъев, А. А. Башмаков, К.А. Губастов – М.: Книга по Требованию, 2017. – 360 с.

ISBN 978-5-518-00784-0

ISBN 978-5-518-00784-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

дни русскаго приниженія передъ наглымъ германизмомъ, дали урожай. Они прежде всего запали въ душу наследника престола, который, ставъ русскимъ императоромъ, подъ именемъ Александра III, создалъ наиболѣе цѣльный образецъ вполнѣ «русскаго царствованія», какое только знала до того времени паша исторія. Кто знаетъ, не будь того щемящаго оскорбленія, нанесеннаго русской душѣ на Берлинскомъ конгрессѣ, вылилось ли бы царствованіе Александра III въ такую вдохновенную, народную и стильную дѣятельность, которую поэтъ А. Н. Майковъ изобразилъ въ своемъ стихотвореніи: «Къ портрету Александра III» столь вдохновеннымъ возгласомъ:

Въ томъ царская его заслуга предъ Россіей.
 Что царь—онъ вѣрилъ самъ въ устои вѣковые,
 На конхъ зиждется Россійская земля!..

Современники Игнатьева далеко не единодушно почувствовали значеніе его творчества и тяжесть нанесеннаго Россіи оскорбленія; государственный идеализмъ созрѣвалъ въ русскихъ умахъ медленно и неравномѣрно; на пользу той гангрены, которая завелась, какъ ржавчина на желѣзѣ, именно въ наиболѣе вліятельныхъ верхахъ, у источниковъ власти, сознаніе этого внутренняго заѣдающаго насъ рака «великосвѣтскаго германизма» долго колебалось и отставало въ представленіяхъ нашей интеллигенціи. Тѣмъ не менѣе, какъ перѣдко бываетъ въ историческихъ судьбахъ великихъ и жизнеспособныхъ народовъ, бессознательное пониманіе реально-необходимаго беретъ верхъ надъ невѣрными теченіями сознательныхъ ученыхъ, навѣянныхъ книжнымъ путемъ и ведущихъ иногда къ обезличенію и обезспленію народа въ пользу его же враговъ, внушающихъ ему это безспленіе.

Съ этой точки зрѣнія, нельзя не усмотрѣть внутренней связи и преемства между тѣми событіями, которые столь мѣтко отразились въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, и нынѣшними событіями 1914 года. Въ безконечно разнообразной народной эпопее, происходящей сейчасъ на нашихъ глазахъ, вырисовывается одно могучее, всеохватывающее, медленно созрѣвавшее, но богатырское хотѣніе народа-исполнителя. Оно выражается безконечно-могучимъ гудѣніемъ: «Довольно! Подъ нѣмцемъ долѣе жить мы не хотимъ!»

А развѣ не та самая мысль народа выражена была тридцать шесть лѣтъ раньше на скрижаляхъ Санъ-Стефанскаго договора? Развѣ не этотъ основной мотивъ проходить красною нитью черезъ многогранный разладъ графа Н. П. Пгнатъева съ тѣми кругами горчаковской дипломатіи, которые хронически предавали Россію, быть можетъ, не вѣдая, что творять, но въ силу крѣпко установившихся противонародныхъ традицій.

Читатели «Историческаго Вѣстника» 1915 года тѣмъ легче и полнѣе провѣрятъ эти вопросы въ своемъ сознаніи, что окружающая насъ дѣйствительность и послѣднія грозныя событія даютъ намъ постоянную провѣрку вѣрности основныхъ мыслей, вдохновлявшихъ графа Пгнатъева въ теченіе всей его жизни.

А. Башмаковъ.

I.

Наши мирные переговоры съ Турціею были усложнены предварительными дипломатическими промахами:

1) Стѣснительными, даже въ отношеніи военныхъ дѣйствій, переговорами съ англійскимъ правительствомъ, возлагавшимъ на насъ обязанности не затрагивать англійскихъ интересовъ, не входить въ Константинополь и не занимать Галлиполи, безъ равносильнаго предоставленія Россіи какихъ-либо выгодъ или даже обезпеченій въ будущемъ отъ англійскаго вмѣшательства въ наше мирное соглашеніе съ Турціею.

2) Заключеніемъ съ Австріею договора, неудачно, неясно редактированнаго, насъ связывавшаго, въ особенности въ отношеніи къ Сербіи и Черногоріи, стѣснительнаго для насъ какъ во время войны, такъ и въ особенности при заключеніи мира и дозволившаго Австріи извлечь для себя матеріальныя и нравственныя выгоды, несравненно большія, нежели Россіи, безъ успій и затратъ. Мы связали себя, по обычной нашей честности и пысканной добросовѣстности въ отношеніи иностранныхъ государствъ, по рукамъ и ногамъ честнымъ словомъ государя, а Австріи предоставили возможность свободно, съ свойственнымъ ей коварствомъ и беззастѣнчивостью, пользоваться выгодами нашихъ побѣдъ, во вредъ Россіи и для угнетенія славянъ. Замѣчательно, что содержаніе договора, заключеннаго въ январѣ 1877 года между графомъ Андраши и Новиковымъ, было, по просьбѣ графа Андраши, скрыто княземъ Горчаковымъ (въ чемъ сей послѣдній сознался мнѣ въ присутствіи государя) отъ русскаго посла въ Константинополь до минуты отъѣзда его въ дѣйствующую армію въ 1878 году; злосчастный договоръ этотъ, поразившій меня самымъ неожиданнымъ образомъ, былъ показанъ мнѣ лишь по повелѣнію государя, послѣ жалобы, принесенной мною лично его величеству, послѣ того, какъ я получилъ отъ генерала-адъютанта Обручева копію карты Балканскаго полуострова, которая должна была быть приложена къ договору русско-австрійскому.

Сверхъ того, мирныя переговоры были затруднены, равно какъ и наши военныя операціи въ княжествахъ, неудовлетворительностью нашей конвенціи съ Румыніею, заключенной предъ войною, и непонятнымъ бездѣйствіемъ относительно румынскаго правительства князя Горчакова, проживавшаго, съ своимъ ближайшимъ совѣтникомъ и помощникомъ барономъ Жюмпи, шесть мѣсяцевъ въ Бухарестѣ и не позаботившагося уладить прочнымъ образомъ вопросъ о возвращеніи намъ Бессарабіи, пользуясь тѣмъ временемъ, пока румыны въ насъ еще нуждались и были въ нашихъ рукахъ, а вліянія намъ враждебныя и воздѣйствія иностранныхъ кабинетовъ могли быть нами стѣснены.

Въ совѣтъ, созванномъ государемъ въ Порадимѣ, передъ своимъ отъѣздомъ изъ дѣйствующей арміи, было рѣшено, по моему предложенію, чтобы:

1. Главнокомандующій, снабженный полномочіемъ на заключеніе лишь перемирія, отнюдь не пріостанавливалъ военныхъ дѣйствій до принятія предварительныхъ основаній будущаго мирнаго договора, редакція которыхъ была сдѣлана, по повелѣнію его величества, въ его присутствіи, въ домѣ, имъ занятомъ, и на его собственной бумагѣ генераломъ-адъютантомъ Игнатьевымъ—примѣнительно къ тому положенію, въ которомъ находились наши войска. Этимъ и объясняется, почему было поставлено въ обязанность главнокомандующему требовать предварительной сдачи всѣхъ дунайскихъ крѣпостей: Русука, Виддина и Силестрии, а не было оговорено о сдачѣ Шумлы и Варны. Само собою разумѣлось, что если успѣхи нашихъ войскъ позволяли дойти до Адрианополя, то главнокомандующій сдачею дунайскихъ крѣпостей не удовольствуется, а потребуетъ сдачи и Варны, и въ особенности Шумлы, находящейся въ тылу, на нашихъ сообщеніяхъ и которая, при продолженіи военныхъ дѣйствій, неминуемо должна была бы сдаться войскамъ цесаревича, угрожавшимъ этому укрѣпленному лагерю. Вообще само собою разумѣлось, что въ условія перемирія будутъ включены всѣ тѣ требованія, которыя необходимы были для полнѣйшаго обезпеченія стратегическаго положенія арміи на Балканскомъ полуостровѣ. Безъ этого обезпеченія немислимою казалась пріостановка побѣдоноснаго шествія нашихъ войскъ къ Царьграду.

2. Пригласить уполномоченныхъ для заключенія мира събратъ въ Одессѣ, куда долженъ былъ отправиться генералъ-адъютантъ Игнатьевъ въ качествѣ второго уполномоченнаго и куда предполагалось прибыть самому князю Горчакову въ качествѣ перваго уполномоченнаго ¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ предполага-

¹⁾ Первоначально государь хотѣлъ поручить мирныя переговоры исключительно гр. Игнатьеву въ Константинополь, но онъ доложилъ его величеству, что при питаемой къ нему ревности канцлера и желаніи его утвердить свою подписью будущій договоръ было бы практичнѣе и цѣлесообразнѣе предпочесть Одессу Константино-

лось, согласно предложенію Игнатъева, въ случаѣ желанія европейскихъ державъ вмѣшаться въ наши переговоры съ Турціею, предложить кабинетамъ возобновить въ Одессѣ или въ Константинополѣ конференцію, созванную по почину Англій предъ войною, для разрѣшенія восточнаго вопроса. Тогдашняя константинопольская конференція была бы такимъ образомъ продолжена или возобновлена, начавъ свои занятія на основаніи выгодныхъ для Россіи предложеній, сдѣланныхъ европейскими правительствами Портѣ и ею отвергнутыхъ. Такой ходъ дѣла представлялъ бы намъ несравненно большія выгоды, нежели созывъ конгресса, и не позволилъ бы Австріи, а въ особенности Англій, принять то враждебное нашимъ видамъ положеніе, которое такъ неблагоприятно повліяло на окончательный результатъ войны.

Полученныя въ первыхъ числахъ января въ Петроградѣ извѣстія о блистательныхъ побѣдахъ нашихъ войскъ и о взятіи Адрианополя и свѣдѣнія, доставленныя изъ Лондона графомъ Шуваловымъ, заставлявшія опасаться вмѣшательства Англій, измѣнили, къ сожалѣнію, возрѣнія государя императора. Наступленіе нашихъ войскъ къ Константинополю, вопреки первоначальному виду императорскаго правительства, казалось возможнымъ, и, по предложенію князя Горчакова, желавшаго по установленіи непосредственными переговорами съ Турціею основаній мирнаго договора достигнуть, въ согласіи съ Европою, мирнаго разрѣшенія восточнаго вопроса, рѣшено было, въ совѣщаніи между государемъ, военнымъ министромъ и канцлеромъ, отправить меня не въ Константинополь, какъ я настаивалъ, и не въ Одессу, а въ главную квартиру, черезъ Бухарестъ. Но при этомъ, вѣдѣствіе моихъ замѣчаній на этомъ совѣщаніи, не было и рѣчи объ остановкѣ нашихъ войскъ на пути къ Царьграду. Мысль государя выражена въ его телеграммѣ, отправленной къ великому князю Николаю Николаевичу 12-го января, въ восемь часовъ утра:

«Изложенныя въ трехъ твоихъ шифрованныхъ телеграммахъ 10-го января соображенія относительно дальнѣйшаго наступленія на Константинополь я одобряю. Движеніе войскъ относить не должно быть останавливаемо до официального соглашенія объ основаніяхъ мира и условіяхъ перемирія. При этомъ объяви турецкимъ уполномоченнымъ, что если въ теченіе трехъ дней со времени отправленія ими запросной телеграммы въ Константинополь не поступитъ безусловнаго согласія Порты на заявленныя нами условія, то мы уже не признаемъ ихъ для себя обязательными. Въ случаѣ, если условія наши не приняты, вопросъ долженъ рѣшиться подь стѣ-

полю и предоставить возможность князю Горчакову лично участвовать въ заключеніи договора. Государь согласился, замѣтивъ при этомъ Игнатъеву, улыбаясь: «Однакоже ты сильно побаиваешься, какъ я вижу, Горчакова». Авт.

нами Константинополя. Въ разрѣшеніи поставленныхъ тобою на тотъ случай четырехъ вопросовъ, предлагаю тебѣ руководствоваться слѣдующими указаціями:

«По первому. Въ случаѣ вступленія иностранныхъ флотовъ въ Босфоръ, войти въ дружественныя соглашенія ¹⁾ съ начальниками эскадръ относительно водворенія общими силами порядка въ городѣ.

«По второму. Въ случаѣ иностраннаго десанта въ Константинополь избѣгать всячески столкновения съ ними, оставивъ наши войска подъ стѣнами города ²⁾.

«По третьему. Если сами жители Константинополя и представители другихъ державъ будутъ просить о водвореніи въ городѣ порядка и охраненіи спокойствія, констатировать этотъ фактъ и ввести наши войска ³⁾.

«Наконецъ, по четвертому. Ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ сдѣланнаго нами Англійи заявленія, что мы не намѣрены дѣйствовать на Галлиполи ⁴⁾. Англія, съ своей стороны, общала намъ ⁵⁾ ничего не предпринимать для занятія Галлипольскаго полу-

¹⁾ Главная квартира, занимаясь политикою, всего болѣе боялась иностранцевъ и новой войны, а Петербургъ, т.-е. министерство иностранныхъ дѣлъ, вѣрилъ въ свое дѣтище la grande Europe и мечталъ объ излюбленномъ европейскомъ «концертѣ», всегда намъ вредившемъ. Странно, что теряли изъ виду враждебность англійской эскадры и предполагали, что если явятся въ Босфоръ европейскія суда, то не одни англійскія, а совмѣстно и суда другихъ державъ и что можно будетъ безъ ссоры занять Константинополь одновременно отрядами разныхъ государствъ, взаимно соперничающихъ на Балканскомъ полуостровѣ. Авт.

²⁾ Я настаивалъ на томъ, чтобы было повелѣно поставить непременно наши войска на высотахъ, командующихъ Босфоромъ и Константинополемъ, и занять Бѣлградскій лѣсъ и водопроводы, а ограничиться указаніемъ, чтобы войска остались подъ стѣнами Константинополя. Авт.

³⁾ На совѣщаніи 9-го января въ Зимнемъ дворцѣ я настаивалъ на занятіи высотъ, господствующихъ надъ Константинополемъ и Босфоромъ, указывая на вѣроятіе возникновенія беспорядковъ, столкновеній между мусульманами и христианами и угрозъ мусульманъ по адресу европейцевъ и ихъ представителей. Я вызывался, если мнѣ дозволятъ, направиться прямо въ Константинополь моремъ и доставить случай войскамъ нашимъ войти въ столицу по просьбѣ иностранцевъ и безъ нарушенія даннаго Англійи обѣщанія. Авт.

⁴⁾ Графъ Шуваловъ далъ это обѣщаніе лорду Дерби, не заручившись письменно ненарушимостью слова англійскаго министра, что англійская эскадра не войдетъ въ Мраморное море. Когда князь Горчаковъ, въ присутствіи государя, настаивалъ на необходимости соблюденія нами тяжелаго, по военнымъ соображеніямъ, обязательства, принятаго нашимъ посломъ въ Лондонѣ, графъ Пнгатевъ предсказалъ, что англичане насъ проведутъ, пожертвовавъ лордомъ Дерби, который выйдетъ въ отставку, заявивъ Шувалову, что онъ обязался только лично, но что кабинетъ не соглашается поддерживать его. Авт.

⁵⁾ Не Англія и даже не письменно, а лично лордъ Дерби. Графъ же Шуваловъ, не выкинувъ въ характеръ и образъ дѣйствія англійскаго правительства, повѣрилъ на слово англійскому министру иностранныхъ дѣлъ и представилъ свои обясненія съ Дерби, какъ важный результатъ, обязательный для Англійи. Авт.

острова ¹⁾, а потому и мы не должны давать ей предлогъ къ вмѣшательству. Даже если бы какой-нибудь турецкій отрядъ находился на полуостровѣ, достаточно выдвинуть наблюдательный отрядъ на перешеекъ ²⁾, отнюдь не подходя къ самому городу Галлиполи ³⁾.

«Въ виду приближенія твоего къ Царьграду, я призналъ нужнымъ отмѣнить прежнее распоряженіе о съѣздѣ уполномоченныхъ въ Одессѣ и вмѣсто того приказалъ генералу-адъютанту графу Игнатьеву немедленно отправиться въ Адрианополь для веденія совмѣстно съ Нелпдовымъ предварительныхъ переговоровъ о мирѣ при главной квартирѣ».

«Александръ».

Послѣдствія доказали, что если бы движеніе отряда генерала Турко на Галлиполи не было остановлено вслѣдствіе мнимаго обѣщанія Англіи и настояній графа Шувалова, поддержаннаго канцлеромъ, эскадра англійская никогда не рѣшилась бы вступить въ Мраморное море, опасаясь заложения подводныхъ минъ въ проливѣ русскими. Тогда посоль Англіи Лайардъ не приобрѣлъ бы преобладающаго и столь вреднаго для насъ вліянія на Порту и самого султана и всѣ требованія наши были бы безпрекословно исполнены испуганными турками.

Выманить у государя одобреніе обѣщанію, данному Англіи, не занимать ни Галлиполи, ни буларскихъ укрѣпленій, графъ Шуваловъ далъ возможность англійской эскадрѣ проникнуть до Припчевыхъ острововъ и фактически господствовать въ Босфорѣ.

II.

Когда, въ первый разъ, государь объявилъ мнѣ по вызовѣ меня въ Петербургъ изъ Кіева, что я долженъ ѣхать въ дѣйствующую армію, то я испрашивалъ разрѣшеніе сѣсть на пароходъ и отправиться въ Бургасъ или даже прямо въ Буюкъ-дере, смотря по положенію, занимаемому нашими войсками, чтобы оттуда войти въ связь съ главною квартирою. Когда это найдено было

¹⁾ Англіи незачѣмъ было и печѣмъ было занимать полуостровъ. Но ей необходимо было заручиться, что мы не дойдемъ до Галлиполи, чтобы рѣшиться ввести свою эскадру въ Мраморное море безъ опасенія, что она будетъ заперта въ Дарданельскомъ проливѣ. Авт.

²⁾ Я настаивалъ, чтобы буларскія линіи были, по крайней мѣрѣ, заняты нашими войсками, но возраженія и опасенія князя Горчакова заставили и Милютина согласиться на упоминаніе о высылкѣ къ сторонѣ Галлиполи лишь наблюдательнаго отряда. Авт.

³⁾ Явствуетъ постоянное опасеніе столкновенія съ Англіею и стремленіе предупредить ея желанія, даже въ ущербъ своимъ интересамъ. Авт.

слишкомъ рискованнымъ, то я предложилъ проѣхать черезъ Измаилъ и расположеніе нашихъ войскъ, минуя Бухарестъ, доказывая, что если съ румынами канцлеръ не условился относительно Бессарабиі въ теченіе шести мѣсяцевъ своего пребыванія въ Бухарестѣ, то теперь едва ли скоро можно съ ними сговориться, тѣмъ болѣе, что они, можетъ быть, уже натравлены на насъ Англією и Австрією для созданія намъ затрудненій, и въ такомъ случаѣ переговоры въ Бухарестѣ затянутся и меня задержатъ.

Первоначально канцлеръ предлагалъ поручить мнѣ ограничиться подписаніемъ съ турецкимъ уполномоченнымъ лишь протокола, заключающаго основанія будущаго договора и уступки намъ, на которыя вынуждена будетъ Порта. Но на это я возражилъ, что посылать для сего особаго уполномоченнаго въ дѣйствующую армію не стоить и что протоколъ войны и расходъ нашихъ не прекратитъ, ибо послѣ протоколовъ константинопольскихъ, подписанныхъ всѣми представителями европейскихъ государствъ, новый протоколъ русско-турецкій будетъ служить лишь въ видѣ дополненія, связывающаго лишь развѣ дѣйствія русскихъ и турецкихъ уполномоченныхъ при будущихъ переговорахъ, безъ вліянія на окончательный результатъ конгресса, о которомъ все мечталъ князь Горчаковъ, хотя конгрессъ представлялъ много неудобствъ безъ сокращенія расходъ, доставленія выгоды окончательнаго умиротворенія между Россією и Турцією и ручательства облегченія положенія Черногоріи, Сербіи и Болгаріи, которыя мы пришли освобождать. По моему мнѣнію, уже если ограничиваться заключеніемъ одного протокола, то лучше предложить просто возобновленіе константинопольской конференціи, взявъ исходнымъ пунктомъ первыя требованія, заявленныя отъ имени всей Европы Портѣ, съ добавленіемъ того, что уже добыто оружіемъ русской армією и ея союзниками черногорцами и сербами.

Конференція, начавшись въ Константинополѣ, могла бы быть перенесена въ Одессу, воспользовавшись замѣчаніемъ кого-либо изъ европейскихъ уполномоченныхъ о неудобствѣ трактовать подъ пушками, такъ сказать, русской арміи. Въ предвидѣніи мирныхъ переговоровъ вѣ главной квартиры я предлагалъ назначить вторымъ уполномоченнымъ вмѣсто Неллдова, который долженъ былъ найдтись безотлучно при главнокомандующемъ, въ качествѣ начальника его походной дипломатической канцеляріи, Влангали ¹⁾, бывшаго въ шестидесятыхъ годахъ генеральнымъ консуломъ въ Сербіи и знакомаго съ восточнымъ вопросомъ. 10-го января было рѣшено между государемъ, канцлеромъ и военнымъ мини-

¹⁾ Влангали, Александръ Егоровичъ, родился въ Константинополѣ въ 1817 году, умеръ 1-го апрѣля 1908 года. Товарищъ министра (при Н. К. Гирсѣ), посолъ въ Римѣ и членъ Государственнаго Совѣта.

стремъ, что съ турками будетъ заключенъ предварительный (прелиминарный миръ), который весьма легко, по мнѣнію князя Горчакова, увѣрявшаго, что онъ вполне можетъ рассчитывать на содѣйствіе не только князя Ешмарка, но и графа Андраши, будетъ закрѣпить европейскимъ согласіемъ въ конференціи первыхъ министровъ, созванной въ Баденъ-Баденъ или даже въ Петербургѣ. Для заключенія этого договора, вопреки моему мнѣнію и моимъ представленіямъ, рѣшено было командировать меня въ главную квартиру, направивъ кружнымъ путемъ на Бухарестъ. Всѣ замѣчанія мои противъ остановки въ румынской столицѣ (я предпочиталъ проѣхать чрезъ Измаилъ, не заѣзжая въ Бухарестъ, чтобы снабдить консула нашего указаніямъ, какъ воздѣйствовать на населеніе (русское и болгарское преимущественно) для вынужденія согласія румынскаго правительства на добровольное воссоединеніе съ Россією отошедшей по Парижскому договору части Бессарабіи) были отвергнуты княземъ Горчаковымъ, который замѣтилъ, что передача мною собственноручнаго письма государя о присоединеніи Бессарабіи *est une affaire de pure courtoisie*—формальность, обязательная относительно союзника передъ началомъ мирныхъ переговоровъ съ Турціею. Эти переговоры съ румынскими министрами не могутъ задержать посланнаго въ пути къ Адрианополю болѣе, чѣмъ дня на два, ибо «министры уже подготовлены имъ, княземъ Горчаковымъ, къ уступкѣ намъ Бессарабіи и знаютъ, что она неизбѣжна, и потому достаточно будетъ, если я обмѣняюсь съ ними мыслями о территориальномъ вознагражденіи, слѣдующемъ румынамъ за эту территориальную уступку Россіи, съ тѣмъ, чтобы уже *en connaissance de cause* выговорить надлежащее условіе въ договорѣ, имѣющемъ быть заключеннымъ съ турками.

Вместѣ съ тѣмъ, 10-го поздно вечеромъ я получилъ приказаніе представить государю проектъ будущаго договора. 11-го января утромъ я получилъ собственноручную записку канцлера, съ приказаніемъ представить этотъ проектъ на разсмотрѣніе совѣта, подъ предѣлательствомъ государя. «*L'Empereur ordonne,—писалъ князь Горчаковъ,—que vous vous trouviez demain jeudi à 11¹/₂ au palais d'hiver. C'est la conférence. Apporter y votre mémoire.*»

Мнѣ сообщены были копіи телеграммъ, которыми государь и султанъ обмѣнялись въ первыхъ числахъ января.

Телеграмма султана, отправленная въ воскресенье 1-го января, въ 3 часа 45 минутъ по полудни, гласила слѣдующее:

«*A Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies. En déplorant profondément les circonstances malheureuses qui ont amené cette guerre désolante entre les deux Empires, appelés à vivre toujours en bonne harmonie, et désirant ardemment voir cesser un moment plus tôt une effusion de sang inutile, qui répugne également au coeur compatissant et aux sentimens généreux d'humanité bien connus*

de Votre Majesté Impériale, je viens de nommer, conformément à l'entente établie entre mon Gouvernement et Son Altesse Impériale le Grand Duc Nicolas, Server Pacha, mon Ministre des Affaires Étrangères, et Namik Pacha, Grand Dignitaire de l'Empire, en qualité de plénipotentiaires, chargés d'arrêter avec Son Altesse Impériale le Grand Duc les bases de la paix et les principes de l'armistice. Les plénipotentiaires partiront après demain, mardi 3 (15) Janvier, pour Kazanlik. J'espère que Votre Majesté Impériale voudra bien, en attendant la conclusion de ces négociations, donner des ordres nécessaires pour la cessation des hostilités sur tout le théâtre de la guerre. Abdul Hamid.

(Его величеству императору всероссійскому. Глубоко скорбя о несчастныхъ обстоятельствахъ, которыя вызвали эту прискорбную войну между двумя имперіями, призванными жить всегда въ добромъ согласіи, и горячо желая, чтобы хотя минутой раньше прекратилось безполезное кровопролитіе, несовмѣстимое съ сострадательнымъ сердцемъ и хорошо пзвѣстными благородными и гуманными чувствами вашего императорскаго величества, я, по состоявшемуся соглашенію между моимъ правительствомъ и его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, назначилъ моего министра иностранныхъ дѣлъ Серверъ-пашу и великаго саповника имперіи Намикъ-пашу уполномоченными, которымъ поручено установить вмѣстѣ съ его императорскимъ высочествомъ основанія для заключенія мира и условия перемирія. Уполномоченные выѣдутъ въ Казанлыкъ послѣзавтра, во вторникъ 3-го (15-го) января. Я надѣюсь, что ваше императорскому величеству благоудно будетъ, въ ожиданіи окончанія переговоровъ, сдѣлать необходимыя распоряженія о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій на всемъ театрѣ войны. Абдуль-Гамидъ).

Телеграмма эта была получена 2-го января, въ 7 часовъ 35 минутъ пополудни. Его величество собственноручно подписалъ на этой телеграммѣ, посылая ее канцлеру: «Voilà une surprise qui prouve que les Turcs doivent être aux abois. Dans tous les cas il faudra bien combiner le réponse à faire». (Вотъ неожиданность, которая доказываетъ, что турки, должно быть, дошли до крайности. Во всякомъ случаѣ надо хорошенько составить отвѣтъ), а въ концѣ телеграммы государь добавилъ: «Il faut absolument nous en tenir à ce qui était dans les instructions, envoyées à mes frères». (Нужно непременно настаивать на томъ, что было сказано въ инструкціяхъ, посланныхъ моимъ братьямъ), т. е. его величество повелѣвалъ не отступать отъ того образа дѣйствій, который былъ установленъ въ Порадимѣ и затѣмъ въ Петербургѣ, по моему представленію, поддержанному военнымъ министромъ: идти впередъ и не останавливать наступательнаго дѣйствія войскъ, пока все требованія наши не будутъ безусловно приняты Портою).